

УДК 801.6

КОНЦЕПТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПЕЙЗАЖА В ЛИТЕРАТУРЕ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Борисов А.А.

ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1 /А (корпус 1), e-mail:arka.dij@mail.ru

---

В статье рассматривается важность пейзажа как средства оценки окружающей, прежде всего, социальной действительности в сентименталистском художественном тексте. В ходе анализа мы закономерно приходим к выводу о том, что субъективно-лирическое восприятие пейзажа русскими писателями-сентименталистами отражается в культивировании деревенской идиллии. Для творчества писателей «Бури и натиска» типично созвучие любовного лиризма с природными мотивами. Применительно к произведениям данного литературного направления отмечается текстокогерентный потенциал описания фитонимов, зоонимов и объектов неживой природы. Все это определяет когерентный потенциал описания природы в пространстве сентименталистского текста, который состоит в «сплетении» концептов-обозначений чувств художественных персонажей и созвучного с ними пейзажа как экзистенциального контекста.

Ключевые слова: сентиментализм; описание природы; прагматика художественного текста; когерентность.

CONCEPT-FORMING ROLE OF THE SCENERY IN THE LITERATURE OF SENTIMENTALISM

Borisov A.A.

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkinast. 1/A (building1), e-mail:arka.dij@mail.ru

---

The article determines the significancy of landscape in the expressionistic artistic world. Primarely it's a mean characterising surrounding social reality. During analysis we come to conclusion, that subjectively-lyrical perception of the scenery by Russian sentimentalistic writers is reflected in cultivation of village idyl. The consonance of loving lyricism with natural motives is typical for writer's work of "Storm and Rush". Concerning the texts belonging to this movement we should mention it's prominent coherence potential in describing phytonyms, zoonyms as well as inanimate nature. All this things determine coherent potential for nature's description in the area of sentimentalistic text, which is in "interplacement" of concepts defining feelings of characters and accordant to them scenery as existential context.

Keywords: Coherence of the text, expressionism, pragmatics of fiction, phytonyms, zoonyms.

Сентиментализм является литературным течением XVIII – начала XIX в. как в Западной Европе, в том числе и Германии, так и в России. Основным его лейтмотивом была «апелляция к чувству, возведение его в мерило добра и зла, в основной критерий ценности человека» [9, с. 763]. Подобное мировоззренческое кредо способствовало формированию идеализованных представлений об объекте художественного творчества – будь то человек или природа. Поэтому излюбленными мотивами сентименталистов становятся трогательная любовь и наслаждение природой.

Субъективно-лирическое восприятие пейзажа русскими писателями-сентименталистами отражается, прежде всего, в культивировании деревенской идиллии:

Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок... На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там

молодые пастухи, сидя под тернию дерев, поют простые унылые песни... Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки... [7, с. 3-4].

Эта тихая красота природы (передаваемая среди прочего морфологическими средствами – см. уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах синеются, деревеньки) противопоставлена негармоничности урбанистического пейзажа:

Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей [7, с. 3].

В художественном мире русского сентиментализма возможно также воспевание красоты лесов и полей, ее противопоставление искусству, которое, с точки зрения писателей данного литературного течения, чуждо естественному спокойствию жизни на лоне природы:

Мне тихое вздыханье // Стенящих горлиц мило; // Мне тихие потоки, // Мне рощи, мне долины // Приятней лирна гласа. // Украшена пастушка // Прелестными цветами, // Когда в кругу пастушек // Поет, поет и пляшет, // Милей гремяща хора [12, с. 84].

Однако ведущей прагматической функцией сентиментального пейзажа является акцентирование чувств художественных персонажей: природа тиха и умиротворенна, если их жизнь течет гладко и размеренно, без неприятностей и потрясений, но она может быть бурной в периоды душевных волнений героев. Так, к примеру, в повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» идиллические сцены свиданий Лизы и Эраста сопровождаются таким описанием пейзажа, производимым от лица Лизы в форме прямой речи:

Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли [7, с. 4].

В авторской речи, повествующей об этом счастливом периоде в жизни героини, звучат сходные мотивы восхищения тишиной и покоем природы, основного места развертывания романа между Лизой и Эрастом:

После сего Эраст и Лиза ... виделись... или на берегу реки, или в березовой роще, но чаще под тению столетних дубов (сажениях восьмидесяти от хижины) – дубов, осенявших глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зеленые ветви, посеребривала лучами своими светлые Лизины волосы [7, с. 5].

В тот момент, когда Лиза согласилась на близкие отношения со своим любовником, природа резко преображается, как бы сигнализируя о недобром, о кардинальных изменениях в судьбах персонажей повести:

Между тем блеснула молния и грянул гром... Грозно шумела буря, дождь лился из черных облаков – казалось, что натура сетовала о потере Лизиной невинности [7, с.13].

И, наконец, в период кульминации событий, когда Лиза погибла, природа горевала вместе с повествователем:

Ее погребли близ пруда, под мрачным дубом... [7, с. 17]

В другой повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» мы также встречаемся с рассмотренной выше прагматической функцией пейзажного описания – с функцией акцентирования положительной или отрицательной оценки событий мира персонажей. Например, идиллическое спокойствие жизни Натальи в девичестве сравнивается с размеренным ритмом природы:

Известно, что до сего времени веселилась она, как вольная пташка, что жизнь ее текла, как прозрачный ручеек стремится по беленьким камешкам между зланных цветущих бережков [8, с. 25-26].

Подобный параллелизм между событиями из жизни героини и пейзажем, сопровождающим их, связывает такие слоты фреймовой модели текста, как «Место действия» и «Действия персонажей», обеспечивая тем самым когерентность литературного произведения.

В некоторых случаях автор не ограничивается констатацией параллелизма событий в природе и жизни участников описываемых действий, наделяет своих героев способностью к активному сопоставлению своей жизни и жизни природы, причем мир природы является как бы образцом для организации дальнейшего поведения персонажа. К примеру, Наталья из упомянутой выше повести Н.М. Карамзина, видя, что птицы летают парами, начинает задумываться о замужестве:

...Наталья, сидя поутру в светлице своей под окном, смотрела в сад, где с кусточка на кусточек порхали птички и, нежно лобызаясь своими маленькими носиками, прятались в густоту листьев. Красавица в первый раз заметила, что они летали парами – сидели парами и скрывались парами. Сердце ее как будто бы вздрогнуло – как будто бы какой-нибудь чародей дотронулся до него волшебным жезлом своим! [8, с. 25]

Не только радость и умиление Натальи отражает окружающий ее пейзаж. Ее тревоги и волнения также отображаются в динамике природной стихии. В ситуации, когда данная героиня с молодым, еще мало знакомым супругом возвращается домой по темному лесу, пейзажное описание передает ее напряженное душевное состояние, но одновременно и надежду на благоприятный исход путешествия:

Ветер заносил дорогу, но резвые кони летели как молния – ноздри их дымились, парился столбом, и пушистый снег от копыт их поднимался вверх облаками. Скоро путешественники наши въехали в темноту леса, где совсем не было дороги [8, с. 37].

В русской сентименталистской драматургии также звучат мотивы созвучия мира природы и мира человеческих страстей. Так, в трагедии В.В. Хераскова «Освобожденная Москва» цветы, заря и день символизируют земные радости, а смутные небеса и ночь – неблагоприятные жизненные обстоятельства, тем самым концепты, изображающие природу и мир людей, сплетаются, делая текстовое целое когерентным:

В любви успехи нам всегда неимоверны,
Сомнение цветы пребражает в терны;
Но руководствует взаимна нежность нам:
При смутных небесах мы ходим по цветам,
И скоро, может быть, заря для нас явится,
Печальна наша ночь в день ясный превратится [11, с. 316].

Немецкая литература эпохи сентиментализма развивалась в русле особого национально-специфического течения «Бури и натиск». Представители данного художественного течения «отвергали пассивность и смирение, требуя от литературы отражения ярких и сильных страстей (что роднило их с другими представителями сентиментализма в художественной литературе. – А.Б.)» [3, с. 782]. При этом искусство рассматривается как особая сила, наделенная энергией и национальной самобытностью, а также близкая к природе [3, с. 782]. Таким образом, можно говорить даже о культуре природы в произведениях штюрмеров, восходящем к традиции Ж.Ж. Руссо, наследниками которого считали себя представители «Бури и натиска» [4, с. 110].

Для писателей рассматриваемого художественного направления характерно изображение элементов окружающей природы как фона социальной эксплуатации человека, причем на передний план в данном случае выходят компоненты охотничьего и сельскохозяйственного пейзажа:

Wer bist du, Fürst, daß in mein Fleisch // Dein Freund, dein Jagdhund, ungebläut // Darf Klau und Rachen haun? // Wer bist du, daß durch Saat und Forst, // Das Hurra deiner Jagd mich treibt, // Entatmet, wie das Wild? - // Die Saat, so deine Jagd zertritt, // Was Roß, und Hund, und du verschlingst, // Das Brot, du Fürst, ist mein [14, с. 196]. – Кто ты, что друг твой гончий пес // Имеет право в плоть мою // Вонзать свои клыки? // Кто ты, что громко в рог трубя, // Меня по рощам и полям // Гоняешь словно дичь? // Посевы, что ты топчешь, князь, // Что пожираешь ты с конем, // Мне, мне принадлежат [1, с. 293].

Природа в произведениях штюрмеров созвучна настроению человека и в ситуации, когда осуждается война. Так, к примеру, в знаменитой бюргеровской «Леноре» природа скорбит вместе с главной героиней, разлученной войной с любимым:

Den Hagedorn durchsaust der Wind, // Herein in meinen Armen, // Herzliebster, zu erwärmen [15, с. 64]. – И ветер воет по кустам, // И тьма ночная в поле; // Побудь со мной на воле [2, с. 297].

Встреча Леноры с призраком погибшего на войне возлюбленного происходит на фоне ветра, колышущего кусты бузины (в вольном переводе В.А. Жуковского лексема Hagedorn переведена генерализованным эквивалентом куст. – А.Б.). Тем самым подчеркивается волнение Леноры при этом кратком свидании.

Для творчества писателей «Бури и натиска» типично созвучие любовного лиризма с природными мотивами. Наиболее ярко оно проявляется в раннем романе Й.В. Гете «Страдания юного Вертера». Вот как характеризует интересующий нас предмет Н.А. Гуляев: «Вертер – юноша, настроенный сентиментально. Его сентиментальность сказывается в повышенной чувствительности. Любовь к Лотте доводит его до крайней степени эмоциональной экзальтации. Вертер влюблен также в природу. Он поклонник всего естественного, которое противопоставляется им общественному («искусственному») образу жизни [4, с. 140]. Таким образом, природа, ее красота и гармоничность образуют фон, на котором возникает и достигает своего апогея любовь Вертера:

Jeder Baum, jede Hecke ist ein Strauß von Blüten, und man möchte zum Maienkäfer werden, um in dem Meer von Wohlgerüchen herumschweben und alle seine Nahrung darin finden zu können. Die Stadt selbst ist unangenehm, dagegen rings umher eine unaussprechliche Schönheit der Natur. Das bewog den verstorbenen Grafen von M., einen Garten auf einem der Hügel anzulegen, die mit der schönsten Mannigfaltigkeit sich kreuzen und die lieblichsten Täler bilden [16]. – Каждое дерево, каждый куст распускаются пышным цветом, и хочется быть майским жуком, чтобы плавать в море благоуханий и насыщаться ими. Город сам по себе мало привлекателен, зато природа повсюду вокруг несказанно прекрасна. Это побудило покойного графа фон М. разбить сад на одном из холмов, расположенных в живописном беспорядке и образующих прелестные долины [5];

Wenn das liebe Tal um mich dampft, und die hohe Sonne an der Oberfläche der undurchdringlichen Finsternis meines Waldes ruht, und nur einzelne Strahlen sich in das innere Heiligtum stehlen, ich dann im hohen Grase am fallenden Bache liege, und näher an der Erde tausend mannigfaltige Gräschen mir merkwürdig werden; wenn ich das Wimmeln der kleinen Welt zwischen Halmen, die unzähligen, unergründlichen Gestalten der Würmchen, der Mückchen näher an meinem Herzen fühle, und fühle die Gegenwart des Allmächtigen, der uns nach seinem Bilde schuf...[16]. – Когда от милой моей долины поднимается пар и полдневное солнце стоит над непроницаемой чащей темного леса и лишь редкий луч проскальзывает в его святая святых, а я лежу в высокой траве у быстрого ручья и, прильнув к земле, вижу тысячи всевозможных

былинок и чувствую, как близок моему сердцу крошечный мирок, что снует между стебельками, наблюдаю эти неисчислимые, непостижимые разновидности червяков и мошек и чувствую близость всемогущего, создавшего нас по своему подобию...[5]

В приведенных примерах чувствуется атмосфера сентиментальной страсти, сходной с изображенной Н.М. Карамзиным, вербализуемая при помощи таких средств, как:

- использование личного местоимения *mein* (мой) в сочетании с наименованиями природных явлений (*mein Wald*);
- употребление прилагательного *lieb* (любимый) с наименованиями природных явлений (*die lieblichsten Täler*; *das liebe Tal*);
- использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в лексемах, обозначающих природные объекты (... *tausend mannigfaltige Gräschen mir merkwürdig werden*; *wenn ich das Wimmeln der kleinen Welt zwischen Halmen, die unzähligen, unergründlichen Gestalten der Würmchen, der Mückchen...* – ... тысячи всевозможных былинки и чувствую, как близок моему сердцу крошечный мирок, что снует между стебельками, наблюдаю эти неисчислимые, непостижимые разновидности червяков и мошек...). В переводе немецкий уменьшительно-ласкательный суффикс *-chen* передан в некоторых случаях не в русском соответствии явления природы, характеризуемого с его помощью в немецком языке, а при наименовании других окружающих феноменов, например, лексема *Gräschen* в русском переводе порождает уменьшительно-ласкательные коннотации у соответствий немецких слов *Welt* и *Halmen*, отсутствующие в оригинале. Наоборот, в русском переводе теряется уменьшительно-ласкательный оттенок слов *Würmchen* и *Mückchen* из текста оригинала.

Когда Вертер замечает безысходность, тщетность своих ухаживаний за Лоттой, природа перед ним предстает в ином свете:

Heute! O Schicksal! O Menschheit! Ich gehe an dem Wasser hin in der Mittagsstunde, ich hatte keine keine Lust zu essen. Alles war öde, ein naßkalter Abendwind blies vom Berge, und die grauen Regenwolken zogen das Tal hinein [16]. – И сегодня! О, рок! О, люди! Я шел по берегу; время было обеденное, но есть мне не хотелось. Кругом ни души, сырой вечерний ветер дул с гор, и серые дождевые тучи заволакивали долину [5].

Gestern abend mußte ich hinaus. Es war plötzlich Tauwetter eingefallen, ich hatte gehört, der Fluß sei übergetreten, alle Bäche geschwollen und von Wahlheim herunter mein liebes Tal überschwemmt! Nachts nach eilfe rannte ich hinaus. Ein fürchterliches Schauspiel, vom Fels herunter die wühlenden Fluten in dem Mondlichte wirbeln zu sehen, über Äcker und Wiesen und Hecken und alles, und das weite Tal hinauf und hinab eine stürmende See im Sausen des Windes! [16]. – Вчера вечером меня потянуло из дому. Внезапно наступила оттепель, мне сказали, что река вышла из берегов, все ручьи вздулись и затопили милую мою долину вплоть до

Вальхейма. Ночью, после одиннадцати, побежал я туда. Страшно смотреть сверху с утеса, как бурлят при лунном свете стремительные потоки, заливая все вокруг; рощи, поля и луга, и вся обширная долина – сплошное море, бушующее под рев ветра! [5]

Как видно из примеров, характер природы при описании душевной смуты Вертера из-за неразделенной любви резко меняется: на сцену здесь выходят элементы унылого пейзажа: сырой вечерний ветер, серые дождевые тучи, а также картины бурного пейзажа: вышедшая из берегов река, вздутые ручьи, стремительные потоки, вся обширная долина – сплошное море, бушующее под рев ветра. Однако как первые, так и вторые явления природы вызывают в сознании реципиента негативные ассоциации, способствующие формированию у него впечатления о тяжелых переживаниях Вертера, приведших в эпилоге романа к трагическому исходу.

Для графа Эгмонта, персонажа одноименной драмы Й.В. Гете, природа служит, как и в рассмотренных выше примерах, экзистенциальным ценностным эталоном. Так, перед казнью он сравнивает свою жизнь с деревом, корни которого находятся под угрозой, при этом мелкие жизненные невзгоды сопоставляются лишь с колыханием ветвей и листьев на дереве жизни:

Wenn Stürme durch Zweige und Blätter sausten, Ast und Wipfel sich knirrend bewegten, blieb innerst doch der Kern des Herzens ungeregt. Was schüttelt dich nun? Was erschüttert den festen, treuen Sinn? Ich fühl's, es ist der Klang der Mordaxt, die an meiner Wurzel nascht. Noch steh' ich aufrecht, und ein innrer Schauer durchfährt mich. Ja, sie überwindet, die verräterische Gewalt; sie untergräbt den festen hohen Stamm, und eh' die Rinde dorrt, stürzt krachend und zerschmetternd deine Krone [17]. – Когда ветер свистел в ветвях и листьях, со скрипом раскачивал сучья и кроны, в глубинах моего сердца царил покой. Что же сейчас сотрясает его? Что колеблет мой твердый и верный разум? Знаю, топор убийцы уже подобрался к моему корневищу. Еще я стою прямо, но внутренняя дрожь пробирает меня. Да, коварные силы уже подкапывают высокий крепкий ствол, и прежде чем засохнет кора, с треском рухнет вершина, круша все кругом [6, с.327-328].

Исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод о большой текстокогерентной роли пейзажа в произведениях немецких [16; 17; 18; 13; 19] и русских [7; 8; 10] писателей-сентименталистов. Анализ прозаических и поэтических произведений российских и немецких представителей данного литературного направления позволяет выделить палитру природных объектов, описанных в данных текстах, а также проанализировать их функциональный потенциал с позиции релевантности данных фрагментов текста при обеспечении связности ключевых концептов литературного произведения, которая является необходимым условием обеспечения его коммуникативно-

прагматической когерентности. Результаты данных наблюдений отражены в следующей таблице:

	Растения	Животные	Объекты неживой природы и собирательные наименования
Немецкий сентиментализм	боярышник; кустарник; каждое дерево, каждый куст распускаются пышным цветом; высокая трава у быстрого ручья; фиалка; розмарин; осина; виноград; тополь; ель; дуб; кедр; липа; роза; кипарис; плакучая ива; лилия; высокие густые деревья; шуршащие камышы	конь; гончий пес; петух; майский жук; птица; жеребец; белая косуля; корова; сокол; голубь; оса; неисчислимые, непостижимые разновидности червяков; миллионные рои мошек	рощи; поля; дичь; посевы; темный свод усыпался звездами; воющий ветер; тьма ночная в поле; сучья, кроны, корни деревьев; поле; небо; благословение звезд; холмы, расположенные в прелестном беспорядке и образующие живописные долины; полдневное солнце; непроницаемая чаща темного леса; ясный зимний день; сверкающие облака; высокая скала; мирные долины; тенистая листва; шумящие рощи; серебристая луна; роща высоких деревьев; прохладный, тенистый полумрак; гроза; серо-белые пухлые облака; алые лучи заходящего солнца; исполинские горы; потоки; буря; сырой вечерний ветер; серые дождевые тучи
Русский сентиментализм	древние вязы; высокая трава; цветы; ландыши; столетние дубы; мрачный дуб; роза всех прекраснее; сладкие плоды	птички; жаворонки; горлица; агнец; бабочка; вольная пташка; петух; сорока; собака; хомяк; верблюды; слон; кошка; комар	густо-зеленые цветущие луга; рощи; холмы; равнины; светлая река; дубовая роща; многочисленные стада; обширные, покрытые хлебом поля; белые туманы; чистое небо; глубокий чистый пруд; молния; буря; дождь; черные облака; прозрачный ручеек; камешки; цветущие бережки; зеленые ковры весны и лета; пушистый снег; темнота леса; мрачная осень; скучная зима; ключи в брегах с журчаньем бьют; солнце; луч; ток весенний быстрых вод; чистые потоки; прохладная пещера; смутные небеса; заря

Как видно из представленной выше таблицы, подавляющее большинство явлений природы в каждой из трех проанализированных групп относится к местным пейзажным реалиям, среди которых можно выделить элементы идиллического и унылого vs. бурного пейзажа, коррелирующие соответственно с радостным или печальным душевным состоянием персонажей из сентименталистских произведений. Как представляется, именно

данное обстоятельство определяет когерентный потенциал описания природы в пространстве сентименталистского текста, который состоит в «сплетении» концептов-обозначений чувств художественных персонажей и созвучного с ними пейзажа как экзистенциального контекста развертывания данных ключевых для сентиментализма компонентов художественного пространства.

Список литературы

1. Бюргер Г.А. Крестьянин – своим князьям // Хрестоматия по зарубежной литературе 18 в. Т.2. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 293.
2. Бюргер Г.А. Ленора // Хрестоматия по зарубежной литературе 18 в. Т.2. – М.: Высшая школа, 1973а. – С.294-300.
3. Генин Л.Е. «Буря и натиск» // Краткая литературная энциклопедия. Т.1. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С.782-784.
4. Гуляев Н.А. и др. История немецкой литературы. – М.: Высшая школа, 1975. – 526 с.
5. Гете Й.В. Страдания юного Вертера [Электронный ресурс]: URL: http://bookz.ru/authors/gete-iogann/gete_verter/1-gete_verter.html (дата обращения: 09.01.2014).
6. Гете Й.В. Эгмонт // Гете Й.В. Собрание сочинений. Т.4. – М.: Худож. лит., 1977. – С. 265-341.
7. Карамзин Н.М. Бедная Лиза // Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь: Повести. – М.: Сов. Россия, 1988. – С.3-17.
8. Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь // Карамзин Н.М. Наталья, боярская дочь: Повести. – М.: Сов. Россия, 1988а. – С.18-52.
9. Тронская М.Л. Сентиментализм // Краткая литературная энциклопедия. Т.6. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С.763-764.
10. Херасков М.М. Избранные произведения. – М.: Сов. писатель, 1961. – 410 с.
11. Херасков М.М. Освобожденная Москва // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.: Сов. писатель, 1961а. – С. 297-372.
12. Херасков М.М. «Тебе приятны боле» // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.: Сов. писатель, 1961б. – С.83-84.
13. Bürger G.A. Bürgers Werke in einem Band. – Weimar: Volksverlag, 1956. – 406 P.
14. Bürger G.A. Der Bauer an seinen Durchlautigen Tyrannen // Bürger G.A. Bürgers Werke in einem Band. – Weimar: Volksverlag, 1956а. – P. 196.
15. Bürger G.A. Lenore // Bürger G.A. Bürgers Werke in einem Band. – Weimar: Volksverlag, 1956b. – P.60-68.

16. Goethe J.W. Die Leiden des jungen Werther [Электронный ресурс]: URL:http://www.digbib.org/Johann_Wolfgang_von_Goethe_1749/Die_Leiden_des_jungen_Werther?k=Erstes+Buch (дата обращения: 09.01.2014).
17. Goethe J.W. Egmont [Электронный ресурс]: URL: <http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/359/page/0> (дата обращения: 09.01.2014).
18. Klopstock F.G. Klopstocks Werke in einem Band. – Berlin & Weimar: Verlag Aufbau, 1971. – 335 s.
19. Lenz J.M.R. Werke in einem Band. – Berlin & Weimar: Verlag Aufbau, 1972. – 420 p.

Рецензенты:

Манаенко Г.Н., д.фил.н., профессор кафедры связей с общественностью ННОУ ВПО «Институт Дружбы народов Кавказа», г. Ставрополь.

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.